

Плейлист

Glass Animals – Heat Waves
Nickelback – How You Remind Me
Duncan Laurence – Arcade
BANKS – Beggin For Thread
Astrid S – Hurts So Good
Fleurie – Love And War
John Newman – Love Me Again
Sofia Karlberg – Toxic
Bahari – Bipolar
Rosenfeld – I Want You
Imagine Dragons – Wrecked
Sam Smith – Fire On Fire
Normani ft. Cardi B – Wild Side
Royal Deluxe – I'm A Wanted Man
Maroon 5 – Lost

Я помню, как плакал мой мальчи, когда его забирали у меня. Помню жестокие руки, что отняли моего сына. Руки человека, которого я когда-то безумно любила и иступленно ненавидела. Руки Марка Загорского.

В тот дождливый вечер люди Загорского выпустили в нас с мужем девять пуль, но, к их беде, я выжила. Похоронив воспоминания обо мне, Марк наслаждается новой спокойной жизнью в моем доме. Но ему осталось недолго, ведь я воскресла и вернусь, чтобы забрать свое.

Пролог

Полина

— **З**автра уже будем дома, мой хороший. — Я провожу пальцами по его головке, по мягким светлым волосам на макушке, и мое лицо невольно озаряется счастливой улыбкой.

Младенец сладко причмокивает во сне, и я, любуясь им, думаю о том, что теперь все будет по-другому.

Сын. Мой сын...

Мне до сих пор не верится, что это произошло. Что я уже несколько дней мама. Мама! И рядом со мной на кровати сопит мое самое главное сокровище в жизни. Человек, которому я подарю всю свою любовь.

— Ты такой красивый, — шепчу я ему, — с ума можно сойти.

Мне кажется, что во мне так много чувств, что ими можно затопить целый город. Нет, всю Вселенную. Эмоции переполняют меня и хлещут через край, сердце колотится и вырывается из груди. Я сама — одно большое сердце, легкое, как воздушный шарик, готовое улететь в небеса.

Подношу палец к его ладошке, и малыш инстинктивно обхватывает его во сне. У него маленькие ровные пальчики и тонкие ноготочки. Все хрупкое, точно игрушечное, но он держит меня так крепко, словно боится потерять. И я ощущаю его силу.

Мой сын больше не в моем животе, он здесь — рядом со мной. Но я все еще чувствую, что мы — единое, неделимое целое. У нас на двоих одни мысли, одни чувства, одно дыхание. Он — частичка меня.

— Ты так похож на папу, — хрипло произношу я.

И мои дрожащие ресницы снова застилают слезы. Мне не верится, что природа могла произвести столь совершенное создание. Он великолепен, и мне хочется рыдать от осознания того, что это я смогла подарить ему жизнь.

Вечером в нашу палату стучится медсестра и зовет меня на осмотр.

— Я думала, что утром посмотрят, — говорю я, поднимаясь с кровати и поправляя больничную ночную рубашку.

— Доктор заступила на смену и решила провести осмотр, — бросает на меня уставший взгляд девушка. — Вы же сами просили выписать вас пораньше, разве нет?

— Да-да, — я надеваю тапочки. — А как же... — Смотрю на спящего в прозрачном кювезе Ярослава.

— Он же спит, — глядит на меня как на дурную медик.

— Я так не могу, — признаюсь я.

Все эти ночи у меня не получалось полноценно спать из-за того, что я слушала дыхание сына. Специально прикатила к своей кровати этот кювез и по десять раз за ночь вставала: проверяла его, поправляла валики из пеленок, которые подкладывала ему под спинку, чтобы он удобно лежал на боку.

Я не знала, как называется эта сумасшедшая штука, которую ученые зовут простым словом «инстинкт». Для меня это было какое-то дикое чувство ответственности, важности и зацикленности на человеке, почти на грани безумия: я ни на секунду не хотела отходить от своего дитя.

- Мой желанный враг -

— Да вы же быстро, — пожимает плечами девчонка в белом халате.

Да что она понимает? Молодая еще, сопливая! Я и сама немногим старше, но уже знаю, каково это: выносить ребенка, родить его в муках, а затем ощущать, будто ты пришита к нему невидимыми нитями.

— Может, вы останетесь с ним? — мнусь я, вцепляясь пальцами в край кюеза.

— Господи... — закатывает глаза медсестричка. — Да отнесите вы его в детскую комнату!

— Хорошо, — соглашаюсь я.

Видела я эту детскую комнату. И воспоминания не навевали ничего хорошего. Десятки малышей в прозрачных кюезах, стоящих в ряд у стены. Все туго запеленатые, кричащие наперебой и оставленные без присмотра. Когда я пришла в себя после родов, первым делом встала и, покачиваясь, направилась искать своего сына. Нашла в конце отделения, в этой комнатке, куда посторонним вход воспрещен.

Пришлось долго жать на звонок и слушать, как надрываются младенцы там, за дверью. Мне открыла хмурая женщина в белом халате, спросила, из какой я палаты, велела отправляться обратно и захлопнула дверь прямо перед моим носом. Все, что я успела заметить, — это кровати с новорожденными за стеклом, в конце этой комнаты.

Наверное, мне нужно было позвонить и пожаловаться мужу на здешние порядки, ведь он же платил им деньги за сервис и соответствующее отношение, но, подумав, что все это делается работниками клиники из соображений безопасности, я решила не скандалить.

Тем более что женщина тут же появилась из-за двери — уже с моим Ярославом на руках. Она проводила меня обратно и вручила сына. С тех пор и до этого момента мы с ним не разлучались ни на минуту.

И вот я снова иду в детскую комнату и вручаю медикам своего сына. Уже другая работница деловито подхватывает его и захлопывает передо мной дверь. Я бреду в смотровую, прокручивая в голове все виды опасностей, которые могут грозить Ярославу: от того, что его уронят или застудят, до того, что оставят без присмотра и он срыгнет и подавится.

И откуда только во мне эти мысли? Похоже, я действительно становлюсь сумасшедшей.

— Добрый вечер, Полина. Проходите, — улыбается доктор.

Ее помощница стелет на кресло одноразовую пеленку.

— Здравствуйте, — улыбаюсь я.

Все мои мысли там — с сыном.

— Как себя чувствуете? — интересуется она.

— На удивление, замечательно, — признаюсь я, снимая белье. Устраиваюсь на кресле. — Еще позавчера ощущение было такое, будто по мне проехался танк.

— Так бывает всегда, — смеется она, приступая к осмотру.

Трогает грудь, мнет живот, затем щупает меня изнутри.

— Угу, угу, — бормочет доктор, не обнаружив сгустков или чего-то подозрительного. — Ну, все хорошо. Завтра утром ребенка осмотрит врач, и поедете домой.

Она вежливо улыбается.

— А может, сегодня можно? — спрашиваю я, опуская вниз ноги. — Я бы позвонила мужу... Раз уж все хорошо, как вы сказали.

Врач переглядывается со своей ассистенткой.

— Ну, хорошо, — сдается она. — Только вы должны обещать мне, Полина, что если почувствуете себя плохо, если вдруг поднимется температура или усилится кровотечение, то вы сразу вернетесь сюда.

— Конечно! — радуюсь я.

— И позвоните мне на днях. Как раз придут результаты исследований.

- Мой желанный враг -

Все что угодно, лишь бы не сидеть дольше в четырех стенах.

— Тогда я сейчас запишу для вас свои рекомендации, — говорит женщина, снимая перчатки.

Я уже не слышу ее, все мои мысли рядом с сыном.

Забрав его из детской комнаты, торопливо направляюсь в палату. Кладу кряхтящий комочек в кювез, достаю из-под подушки телефон и спешно набираю мужа.

— Да! — радостно восклицает он.

— Привет, Вик, я так рада, что ты ответил!

Слышно его шумное дыхание. Очевидно, он куда-то идет.

— Я только прилетел, еще в аэропорту. Как вы там?

— Родной, нас отпускают пораньше. Может, заберешь по пути?

— Правда? — едва не задыхается он от счастья.

— Да, я уже собираю сумку, приезжай.

— Уже сажусь в машину, — говорит он. Слышно, как хлопает дверца автомобиля. — Не могу поверить, что мы сейчас увидимся.

Бросаю в сумку свою одежду и косметику. Напоследок оставляю памперсы и средства гигиены для малыша: они пригодятся для последнего переодевания.

— А я не могу поверить, что наконец-то окажусь дома, — выдыхаю я.

Тут хоть и сервис: отдельная палата, питание, телевизор, душ и прочее, но все равно все какое-то чужое, холодное. К тому же я устала, и мне больше не хочется видеть посторонних. Нам с малышом нужен покой.

— Потерпи, любимая, я уже лечу, — обещает Виктор. — Скоро мы будем вместе.

Он знает, как я ненавижу больницы.

— Жду, — говорю я и целую телефон на прощание.

Ярослав, не дожидаясь, пока я закончу сборы, открывает глаза и всхлипывает. Первое же движение собственными ручками и ножками пугает его настолько, что он заходится отчаянным криком.

— Я здесь, сладкий, — умиляюсь я.

Протягиваю руки, беру сына и прижимаю к себе. Он еще совсем кроха, поэтому я помогаю ему найти грудь. Когда малыш начинает сосать, меня вновь захлестывает какое-то необъяснимое чувство. Его запах, его голос, тепло и бархат его кожи — это самое волшебное из всего, что мне раньше приходилось ощущать.

Ярослав ест и, кажется, смотрит на меня. Я понимаю, что в этом возрасте он не может видеть меня четко, но для него сейчас самое главное — быть со мной рядом, ощущать тепло моей кожи, уют и безопасность. Я сажусь на кровать и долго наблюдаю за тем, как он старается. И меня распирает от гордости. Вот он — мой малыш. Мое будущее. Я покажу тебе весь мир, дам защиту от всех невзгод. Я всегда буду рядом, сынок.

Через полчаса я кладу ребенка на столик, меняю подгузник и надеваю на него белое боди с длинным рукавом и милую белую шапочку. Ярлик похож в ней на гномика, и поэтому я улыбаюсь. Заворачиваю его в одеяльце с вышивкой, которое подарила мама, и начинаю ходить из угла в угол, покачивая малыша на руках.

Мы ждем выписку. Для Виктора это простая формальность, бумажка. Если захочет, он заберет меня отсюда без всяких документов, стоит только захотеть. Но я еще не привыкла к тому, что деньги решают все, и мое воспитание не позволяет мне поторопить медработников. Я говорю мужу, что собираюсь, и он упрямо ждет нас в холле.

И вот заветная бумага у меня на руках. Я передаю сына сотруднице клиники, быстро переодеваюсь в брюки

- Мой желанный враг -

и кофту, которые теперь слишком широки мне, и мы вместе выходим из отделения и спускаемся вниз.

Мое сердце колотится как бешеное.

Я ужасно волнуюсь, когда вижу мужа. Он в белой рубашке и строгих брюках — только что из деловой поездки. На его лице проглядывает щетина, а глаза сияют от счастья. В руках огромный букет красных роз. Виктор целует меня, протягивает цветы, и сотрудница клиники торжественно вручает ему сопящий сверток.

Я прижимаю цветы к груди и с волнением наблюдаю за тем, как муж рассматривает нашего сына. На его лице не отражаются эмоции, поэтому меня начинает слегка лихорадить. Кажется, Вик в шоке и ему трудно дышать.

У меня кружится голова, и я прикусываю щеку изнутри, чтобы не потерять равновесия. В этот самый момент супруг поднимает на меня взгляд, полный слез, и дрожащим голосом говорит:

— Он прекрасен. — Трясет головой, снова смотрит на сына и бормочет: — Прекрасен, господи, он — копия ты, Полин.

Я прерывисто выдыхаю и поправляю уголок одеяла с вышивкой. Прислоняюсь к плечу Виктора и закрываю глаза. Теперь мы втроем, и пусть так будет всегда. Больше нам никто не нужен. Я уговорю мужа уехать из этого города, и все останется позади.

— Домой? — спрашивает Вик, целуя меня в макушку.

— Домой, — киваю я.

Охранник открывает перед нами дверь, и мы спешим к большому черному седану, припаркованному прямо у входа. С неба накрапывает дождь.

Через полминуты мы отъезжаем от здания клиники. Ярослав спит в люльке, установленной на заднем сиденье. Рядом мы с Виком, по обе стороны от него. Муж не может оторвать взгляда от сына: сидит, склонившись над ним,

и улыбается, разглядывая его черты. А я медленно погружаю нос в шикарный букет и глубоко вдыхаю аромат роз. Нежные лепестки приятно щекочут лицо.

— Ты все уладил? — спрашиваю я, выныривая из сладкого запаха цветов.

— Кажется, да, — с сомнением отвечает муж. Он тянется и берет меня за руку. — В любом случае я уже сказал Марку, что категорически против сделки с испанцами. Они — опасные люди и могут оставить нас ни с чем. Лучше не рисковать и остаться при своем.

— Когда ты сказал ему? — осторожно интересуюсь я.

Вик поглаживает мою руку:

— Вчера.

— И что он?

Муж нервно рассмеялся:

— Рвал и метал. Он считает меня безумцем, Полин. — Виктор печально усмехается и трясет головой. — Да как обычно. Но мне плевать, что он обо мне думает. Главное — это вы с сыном.

— Марк грезит о богатстве, и он не отступится, — встревоженно говорю я.

— Это наше общее дело, и такие серьезные вопросы решаем мы оба, поэтому Марку придется со мной считаться, — твердо говорит Вик.

— Конечно, — я прячу взгляд.

Мы оба знаем, что Марк не смирится. Он чертов псих, готовый пойти на все, чтобы осуществить задуманное и получить то, что, как он считает, ему принадлежит. А мы для него как кость в горле — единственные, кто мешает единолично управлять капиталами фирмы. И это меня пугает.

— Я все улажу, ты не должна об этом переживать, — успокаивает муж.

Я сжимаю его ладонь.

«Если бы ты только знал, Вик... если бы знал...»

- Мой желанный враг -

В лобовое стекло машины с треском и шумом бьет дождь. Настоящий ливень. Похоже, погода не слишком рада нашему возвращению.

— Ты устала? — скорее утверждает Виктор, чем спрашивает.

— Немного.

— Приедем, и я сделаю тебе ванну. — Его рука перемещается выше и касается моей щеки. Вик гладит мое лицо, и я закрываю глаза. — Спасибо за этот подарок, Полин. Не знаю, чем заслужил его. И тебя.

Мне не хочется размыкать век. Пусть этот момент останется на паузе, мне в нем так хорошо.

Наше молчание прерывает охранник, сидящий на пассажирском сиденье справа от водителя:

— Через минуту будем на месте, Виктор Андреевич!

— Отлично, — отвечает муж, пытаясь рассмотреть хоть что-то за темными стеклами автомобиля.

В эту секунду мои мысли переносятся к детской комнате, которую я оформляла для Ярослава собственными руками. Я представляю, как положу его в кроватку цвета слоновой кости, сяду рядом и буду любоваться тем, как сладко он спит.

— Что это? — успевает произнести водитель, вглядываясь в темное пятно на дороге. И тут же мы слышим какой-то странный глухой звук.

«Тыц, тыц».

Все происходит слишком быстро, поэтому я не успеваю понять, что это было. Перед глазами проносится картина: водителя словно пришивает чем-то к креслу. Он дергается и падает головой на руль. Автомобиль начинает швырять по дороге, затем заносит в сторону обочины, туда, где обрыв, несколько раз переворачивает, а потом... наступает тишина.

Это происходит в считанные секунды, но перед глазами

проносится вся моя жизнь. Я инстинктивно вцепляюсь в люльку, но машину швыряет и дважды переворачивает. Уши закладывает криком, и я не сразу понимаю, что это мой собственный голос. Я кричу.

Наконец автомобиль замирает в каком-то странном положении: нас шатает, будто мы на корабле. Я не чувствую боли, ведь все мое внимание приковано к ребенку: тот сучит ножками и заходится в истошном крике.

— Оставайтесь в машине! — кричит нам охранник.

Он достает оружие, открывает дверцу и с трудом выбирается наружу.

— Как вы? — ощупывает нас Вик.

— Помоги достать его, — бормочу я. Мои пальцы дрожат. — Я хочу взять его на руки.

Тянусь к Ярославу, и в этот момент снова слышу с улицы эти странные звуки. Глухие, отрывистые. Звуки выстрелов. Мое сознание подсказывает, что нужно бежать. За рулем — мертвый водитель в неестественной позе, на лобовом стекле — следы от пуль, там, рядом с машиной, кто-то стреляет... «Он пришел убить нас, как и обещал!» — наконец понимаю я.

Автомобиль накрывается сильнее, но Вик уверенно говорит:

— Все будет хорошо.

И в этот момент я понимаю, что хорошо уже ничего не будет. Потому что дверь с его стороны открывается, и снова раздаются эти хлопки. Тупое черное рыло пистолета выплевывает в моего мужа три пули: две в сердце, одну в лоб. Даже умирая, Вик пытается закрыть нас своим телом. Но я уже чувствую это: один удар приходится мне в грудь, он с силой гвоздит меня к сиденью, и второй — в лицо, я пытаюсь отвернуться, но меня все равно обдаёт жаром — будто языки пламени лижут лицо.

На какое-то мгновение все звуки стихают, и я слышу только звук прибой. У меня не получается пошевелиться,

- Мой желанный враг -

не получается вдохнуть воздуха. Сквозь склеенные кровью ресницы я еще вижу, как удаляется от машины темная фигура, слышу крик собственного ребенка и ощущаю запахи роз, рассыпанных по сиденью. Что-то горячее и липкое течет по моему лицу, а в груди теснится адская боль, и почему-то не слышатся конечности.

Не понимаю, сколько проходит времени: пара секунд или пара минут, но голоса снаружи вдруг становятся громче, слышится мат. Я заставляю себя пошевелиться, мне нужно взять сына и бежать, пока они не вернулись добить меня, но у меня ничего не получается. Автомобиль скрипит, накрываясь еще сильнее, и мне становится очень страшно.

«Ну же, давай, давай, Полина, вставай!»

— Я сам! — раздается до боли знакомый голос.

И я вижу его руки. Сильные, красивые, которые еще недавно сводили меня с ума.

«Нет, пожалуйста, нет! Не забирай его!» — кричит мое сознание.

Но они подхватывают младенца и вытаскивают из салона автомобиля. Я слышу, как Марк уходит, раздавая указания своим людям, и крик Ярослава удаляется вместе с ним.

Меня разрывает на части от боли, и я из последних сил нащупываю ручку двери. Тяну, и, кажется, дверца поддается. Но в этот момент машина со страшным грохотом срывается вниз, в обрыв. Я лечу вместе с ней, но каким-то образом меня все-таки вышвыривает наружу. Я цепляюсь за сук бедром, ударяюсь головой, плечом и падаю на мокрую землю.

Дождь уже почти прекратился, но грохот падающей машины — нет. Последний яростный толчок, как скрежет консервной банки. Бах! И тишину вечернего леса разрывает мощный взрыв. Небо озаряют всполохи огня. Я вижу только их сквозь пелену кровавой маски на моем лице.

- Лена Сокол -

Где-то над головой слышатся голоса подручных Марка. Наверное, он сейчас доволен тем, что избавился от нас. Внизу догорает автомобиль. Я лежу на спине и чувствую, как редкие капли дождя ударяются о мое лицо. Медленно закрываю веки. Это все.

Не знаю, сколько точно проходит времени, прежде чем чьи-то руки подхватывают меня и отрывают от земли.